

Фантакрим

ФАНТАСТИКА
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ДЕТЕКТИВ

micro

Мак РЕЙНОЛЬДС
Мацей ПАРОВСКИ

ПРОЦЕНТЫ
С КАПИТАЛА

КОЛОДЕЦ

ББК 84.7Ам
Р 35

Мак Рейнольдс.

Проценты с капитала. Фантастический рассказ.
Мацей Паровски.

Колодец. Фантастический рассказ.

«Фантаkrim-микро». — Москва, «Прометей», 1989. —
32 с.

Издание подготовлено литературно-издательским
агентством «Эхо»

Таинственный Путешественник во Времени — кто он? Предприимчивый делец, решивший сколотить небывалое состояние столь фантастическим способом? Загадочный прорицатель, пытающийся своим Знанием скорректировать историю человечества? Или... Ответ на эти вопросы — в рассказе М. Рейнольдса.

Власть — Толпа — Личность... Большая проблема — в маленьком рассказе польского писателя М. Паровского.

Р 4703040100—283 без объявл.
183(2)—89

© Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 1989

Мак Рейнольдс

ПРОЦЕНТЫ С КАПИТАЛА

Незнакомец сказал на скверном итальянском:

— Я бы хотел видеть съора Марино Гольдини — по делу.

Привратник глядел на него с сомнением. Сквозь дверное окошечко он окинул взглядом одежду пришельца.

— По делу, съор? — он колебался. — Возможно, съор, вы изложите мне суть вашего дела, чтобы я мог доложить Вико Летта, секретарю эчеленца...

Он вопросительно глядел на незнакомца.

Тот немного поразмыслил.

— Это, — ответил он, — имеет отношение к золоту.

Он извлек руку из кармана и открыл ладонь, на которой лежало с полдюжины желтых монет.

— Один момент, люстриссимо, — быстро проговорил слуга. — Прошу извинить меня. Ваш костюм, люстриссимо...

Он не окончил фразу и исчез.

Через несколько мгновений он появился снова и широко распахнул дверь.

Добро пожаловать, люстриссимо, эчеленца ждет вас.

Он провел незнакомца через сводчатый зал во внутренний двор. Они миновали фонтан и направились к тяжелой внешней лестнице, поддерживаемой готическими арками и огражденной резным парапетом, поднялись наверх, свернули к темному дверному проему и вошли в слабо освещенный коридор. Слуга остановился и осторожно постучал в толстую деревянную дверь. Изнутри послышался голос, слуга открыл дверь и придержал ее, пропуская визитера. Потом, закрыв за собою дверь, удалился.

За грубо отесанным дубовым столом сидели двое. Старший был коренаст и крепок, с лицом холодным и непроницаемым, второй, наоборот, был худ, высок и держался непринужденно. Он учтиво поклонился, сделал жест рукой и сказал:

— Эчеленца съор Марино Гольдини.

Пришелец в ответ неуклюже поклонился и в явном замешательстве пробормотал:

— Меня зовут... мистер Смит.

После короткой паузы заговорил Гольдини:

— А это мой секретарь Вико Летта. Слуга сказал нам, что речь идет о золоте и о каком-то деле, съор.

Странник извлек из кармана десяток монет и положил их на стол. Вико Летта взял одну и с интересом осмотрел.

— Мне не знакома эта чеканка, — сказал он.

Лицо Гольдини искривило некое подобие усмешки.

— Я поражен этим, мой добрый Вико.

Он повернулся к гостю.

— И каковы будут ваши пожелания относительно этих монет, съор Мистер Смит? Я, признаться, в замешательстве.

— Я хочу, — сказал мистер Смит, — чтобы вы поместили эту сумму в своем банке.

Вико Летта лениво взвесил монетки, пользуясь самыми маленькими гирьками. На какое-то мгновение он поднял глаза к небу, подсчитывая результат.

— Все десять стоят примерно сорок девять цеххини, эчеленца, — пробормотал он.

Марино Гольдини сказал нетерпеливо:

— Съор, вряд ли стоит такому заведению, как мое, беспокоиться из-за такой суммы. Одно только ведение книг...

Чужестранец прервал его:

— Вы не поняли. Я понимаю, что сумма мала. Однако я хотел бы запросить с вас 10 % в год и обязуюсь не изымать свой вклад в течение ... ста лет.

Оба венецианца удивленно подняли брови.

— Сто лет, съор? Возможно, недостаточное знакомство с нашим языком ... — сказал Гольдини вежливо.

— Сто лет, — ответил незнакомец.

— Но ведь, — запротестовал глава дома Гольдини, — через сто лет никого из нас троих не будет в живых. Все в руках господних — возможно, и от дома Гольдини останутся одни воспоминания.

Вико Летта, явно заинтригованный, произвел быстрые подсчеты.

— Через сто лет, учитывая 10 %-ный ежегодный прирост, на вашем счету будет значиться около семисот тысяч цеххини.

— Даже чуть больше, — уверенно сказал чужак.

— Приличная сумма, — кивнул Гольдини, который начал заражаться от секретаря заинтересованностью. — И весь этот период все решения, касающиеся этой суммы, будут приниматься моим Домом?

— Совершенно верно, — чужестранец достал из кармана листок бумаги, разорвал его на две части и

вручил одну половинку венецианцу. — Когда вашим наследникам будет предъявлена моя половинка этого листа, то ее предъявитель и будет владельцем всей этой суммы.

— Идет, съор Мистер Смит! — сказал Гольдини. — Странная сделка, но я ее заключаю. 10 % в наши дни — это немного.

— Этого достаточно. А теперь могу я дать вам несколько советов? Вы знакомы с семейством Поло?

Гольдини сказал осторожно:

— Я знаю съора Маффео Поло.

— А его племянника Марко?

Гольдини сказал осторожно:

— Речь идет о юном Марко, который попал в плен к генуэзцам? А почему вы спрашиваете?

— Он сейчас пишет книгу о своих приключениях на Востоке. Для торгового дома, интересующегося восточными рынками, это будет кладезь ценнейшей информации. Далее. Через несколько лет в Венеции будет произведена попытка государственного переворота, и вскоре после этого будет сформирован Совет Десяти, который постепенно возьмет в свои руки всю власть в республике. Поддержите его с самого начала и сделайте все, чтобы ваш дом был представлен в Совете.

Оба изумленно глядели на него, а Марино Гольдини даже незаметно перекрестился.

Чужак сказал:

— Если вы решите прибыльно вложить деньги за пределами Венеции, советую вам присмотреться к торговцам ганзейских городов и их Лиге, которая скоро будет создана.

Они все так же молча глядели на него, и незнакомец, испытывая неловкость, сказал:

— Я пойду. Ваше время дорого.

Он подошел к двери, сам открыл ее и вышел. Марино Гольдини фыркнул.

— Этот брехун Марко Поло!

Вико сказал кисло:

— Откуда он знает, что мы рассматривали возможность распространения нашей деятельности на Восток? Мы об этом говорили только друг с другом?

— Государственный переворот, — сказал Марино Гольдини и снова перекрестился. — Может, он намекал, что наш заговор раскрыт? Вико, может, нам следует пока не поздно выйти из заговора?

— Возможно, вы правы, эчеленца, — пробормотал Вико. Он снова взял в руки одну из монет и внимательно осмотрел реверс и аверс.

— Нет такой нации, — проворчал он, — но монета великолепно отчеканена.

Он взял в руки оторванную половинку листа и посмотрел на свет.

— И бумаги такой, эчеленца, я тоже никогда не видел. И с таким странным языком не встречался, хотя при ближайшем рассмотрении он немного похож на английский.

Дом Летта-Гольдини размещался теперь в районе Сан-Тома — внушительное сооружение, в которое стекались прибыли от рискованных сделок, заключаемых в сотнях стран.

Рикардо Летта оторвал взгляд от бумаг и посмотрел на своего ассистента.

— Так он действительно появился? Будьте добры, Лио, принесите мне бумаги, касающиеся этой, гм, сделки. Мне надо минут десять, чтобы освежить в памяти все детали, а затем можете впустить съора ко мне..

Праправнук Вико Летта, глава дома Летта-Гольдини, элегантно поднялся, поклонился, описав полукруг рукой, как было принято в те дни, и сказал:
— Ваш слуга, сьор...

Пришелец, отделяваясь от ритуала приветствия, дернул головой и сказал:

— Мистер Смит.

— Кресло, люстриссимо? А теперь прошу прощения за свою невежливость, но когда речь идет об ответственности за такое предприятие, как дом Летта-Гольдини, то долг...

Мистер Смит извлек из кармана клочок бумаги. Его итальянский был ужасен.

— Соглашение, заключенное с Марино Гольдини ровно сто лет назад.

Рикардо Летто взял бумагу. Она была новая, чистая и свежая, что заставило его нахмурить высокий лоб. Он достал пожелтевшую от времени свою половину и, положив на стол, совместил оба фрагмента. Совпадение было полным.

— Удивительно, сьор, но как это получилось, что мой фрагмент пожелтел от старости, а ваш выглядит таким свежим?

Мистер Смит прокашлялся.

— Это, несомненно, оттого, что были использованы разные методы их хранения.

— Несомненно, — Летта расслабился в своем кресле и рассеянно поиграл кончиками пальцев. — И, несомненно, вы желаете изъять свой капитал и наросшие проценты. Что ж, сумма накопилась приличная, сьор, нам придется снять ее с различных счетов.

Мистер Смит покачал головой.

— Я хотел бы продолжить на тех же условиях. Летта выпрямил спину.

Вы хотите сказать — еще на сто лет?

— Совершенно верно. Я доверяю вашей опеке, сьор Летта.

— Понимаю, — Рикардо Летта завоевал себе прочное положение в джунглях делового и коммерческого мира Венеции не чем иным, как своими способностями. Чтобы собраться с мыслями, ему хватило секунды. — Появление вашего предшественника, сьор, вызвало к жизни множество легенд. Вы знакомы с деталями?

Его собеседник настороженно кивнул.

— Он подал нам несколько советов и среди них тот, что мы должны поддержать Совет Десяти. У нас теперь есть представитель в Совете, сьор. Мне не надо рассказывать вам, какие выгоды мы из этого извлекаем. Он также настаивал, чтобы мы финансировали путешествие Марко Поло. Мы этого не сделали, в чем и раскаялись позднее. Но самая странная рекомендация, которую он нам дал, это та, что мы должны вкладывать капиталы в торговлю с ганзейскими городами.

— Ну и что, разве это было неразумным предложением?

— Разумным, сьор, просто великолепным, но трудноразъяснимым. Ваш предшественник появился в 1300 году, а Ганзейская Лига была основана в 1358.

Маленький человек, одетый в том же стиле, что и первый Мистер Смит, скривил лицо.

— Боюсь, что я не смогу дать вам разъяснение по этому поводу, сьор. А теперь, поскольку мое время ограничено, а также ввиду того, что величина моего вклада несколько отличается от первоначальной, я хотел бы попросить вас, чтобы между нами был заключен хорошо разработанный, составленный по

всем правилам контракт. Устного соглашения, подобного тому, которое было заключено с основателями вашего Дома, теперь явно недостаточно.

Рикардо Летта позвонил в колокольчик, лежащий на его столе, и следующий час они прилежно трудились вместе с секретарями и ассистентами. Под конец Мистер Смит, сжимая в руке пачку документов, сказал:

— А теперь могу ли я дать вам несколько советов?

Рикардо Летта подался вперед, глаза его сузились.

— Вне всякого сомнения.

— Ваш Дом будет продолжать расти, и вы должны подумать о распространении вашей деятельности на другие страны. Продолжайте крепить связи с ганзейскими городами. В недалеком будущем во Франции появится выдающийся человек Жак Койор. Возьмите его в свою фирму, чтобы он представлял ваши интересы во Франции. Но в 1450 году откажитесь от него и прекратите всякие контакты с ним.

Мистер Смит встал, готовясь уйти.

— Еще одно предупреждение, сьор Летта. Когда богатство растет, вокруг собираются шакалы. Я предлагаю вам скрыть основную часть капитала и рассеять ее по всем странам. Конечно, тут будут возможны потери, скажем, в связи с деятельностью того или иного принца или в связи с последствиями той или иной революции, но основной капитал будет сохранен.

Рикардо Летта не был чересчур религиозен, но, когда его гость удалился, он осенил себя крестным знаменем, в точности так же, как и его далекие предшественники.

В 1500 году его прибытия ожидали двадцать человек. Они сидели за круглым столом, представители полдюжины наций, с высокомерными минами, а у некоторых выражение лица было просто жестоким. Председательствовал Вальдемар Готланд.

— Ваше превосходительство, — сказал он на сносном английском. — можем ли мы предложить, что это ваш родной язык?

Мистер Смит был в явном смущении и замешательстве от такого количества людей.

— Можете, — ответил он, помедлив.

— И что вы желаете, чтобы к вам обращались, называя вас мистер Смит, на английский манер?

Смит кивнул.

— Это будет приемлемо.

— Тогда, сэр, пожалуйста, вручите нам ваши бумаги. Мы избрали комитет, руководимый Эмилем де Ганзе, который займется проверкой их аутентичности.

Смит подал им пачку документов.

— А ведь я высказывал пожелание, — выразил он свое недовольство, — чтобы мой вклад и вся эта сделка хранились в секрете.

— Оно и держалось в секрете, в тех рамках, в каких это возможно, Ваше превосходительство. Размеры вашего состояния теперь фантастичны. Хотя имя Летта-Гольдини все еще сохраняется как название Дома, ни один из членов этих фамилий не дожил до наших дней. В минувшем столетии, Ваше превосходительство, были предприняты многочисленные покушения на ваш капитал.

— Ну, это можно было предвидеть, — сказал мистер Смит заинтересованно. — И что же помешало этим попыткам осуществиться?

— Именно число людей, вовлеченных в опеку над

вашим состоянием, Ваше превосходительство. Не в моих интересах, как представителя Скандинавии, позволять, скажем, германцам или венецианцам нарушать условия Контракта.

Антонио Риццини огрызнулся:

— И не в наших интересах позволять Вальдемару Готланду делать это. За прошедшее столетие, Ваше превосходительство, не раз проливалась кровь.

Бумаги были признаны подлинными.

Готланд откашлялся.

— Мы достигли точки, Ваше превосходительство, когда все состояние снова принадлежит вам, а мы оказываемся всего лишь скромными наемными служащими. Как было уже сказано, на ваше богатство были совершены многочисленные покушения. Мы предлагаем вам, если, конечно, вы и дальше желаете продолжать...

Тут мистер Смит кивнул.

— ... чтобы вы рассмотрели возможность заключить с нами еще более сильный контракт, который мы осмелились заранее подготовить.

— Отлично. Я просмотрю его. Но сначала разрешите мне дать вам дальнейшие инструкции.

Все двадцать задержали дыхание и выпрямились в своих креслах.

Мистер Смит сказал:

— После захвата Константинополя турками мощь Венеции будет подорвана. Дом должен найти себе какое-нибудь иное место для штаб-квартиры.

Послышались приглушенные восклицания.

Мистер Смит продолжал:

— Капитал стал довольно приличным, так что можно строить долгосрочные планы. Теперь мы должны повернуться лицом к Западу. Засылай-

те представителей в Испанию. Вскорости на Западе будут сделаны открытия и появятся новые возможности для капиталовложений. Поддержите людей, которых зовут Фернандо Кортес и Франциско Писарро. В середине столетия выведите капиталы из Испании и вкладывайте их в Англии, в особенности в коммерцию и мануфактуры. В Новом Свете появится возможность даром заполучить обширные земельные владения; посылайте и туда своих представителей. После смерти Генриха VIII наступит смута — поддержите его дочь Елизавету.

Когда в северных странах разовьется промышленное производство, вы обнаружите, что промышленникам невыгодно работать в странах, где существует бесчисленное множество церковных праздников и всевозможных фестивалей. Поддержите тех религиозных лидеров, которые ратуют за более, э-э, пуританский образ жизни.

Он заключил свое выступление:

— Еще одно. Вас слишком много. Я настаиваю, чтобы с тайной Контракта был знаком только один представитель от каждой нации.

— Господа, — сказал мистер Смит в 1600 году, — больше вкладывайте в торговлю и мануфактуры в Европе, в сельское хозяйство, добычу полезных ископаемых и накопление больших земельных участков в Новом Свете. В этом столетии большие состояния будут нажиты на Востоке; сделайте все, чтобы в этом среди первых приняли участие и наши Дома.

Они ждали за конференц-столом в Лондоне. Часы, на которые они время от времени нервно погляды-

вали, показывали, что до ожидаемого появления мистера Смита осталось несколько минут.

Сэр Роберт принял понюшку, изображая беспечность, которой он вовсе не испытывал.

— Джентльмены, — сказал он, — честно говоря, я не могу поверить в истинность этой легенды. Объясните мне, после всего, что тут сказано, к чему все это сводится?

Пьер Дефляк мягко проговорил:

— Это чудесная история, мсье. В 1300 году некий сомнительно одетый незнакомец поместил в венецианском банкирском доме десять золотых монет с условием, что вклад будет храниться сто лет. Он дал несколько советов, и его предсказания сбылись с точностью, могущей посрамить самого Нострадамуса. С тех пор его наследники появляются раз в столетие, в этот самый день и час и возобновляют действие контракта на следующие сто лет. Они никогда не снимают с вклада ни одного су, но всегда дают советы, что делать дальше. Сейчас, мсье, мы достигли черты, когда под нашим контролем находится самое крупное состояние во всем мире. Меня, например, считают самым богатым человеком во Франции.

Он красноречиво пожал плечами.

— В то время, как мы все знаем, что я всего лишь служащий Контракта.

— Я полагаю, — сказал сэр Роберт, — что вся эта история — чистейший вздор. Прошло сто лет со времени последнего, скорее всего мифического, визита нашего мистера Смита. За этот период на службе Контракта были честлюбивые люди и были беспринципные люди. Они состряпали эту фантастическую сказку для своей выгоды. Джентльмены, не сущест-

вует никакого мистера Смита и никогда не существовало. Вопрос стоит таким образом: следует ли нам продолжать этот фарс или же принять меры для того, чтобы разделить капитал и дальше следовать каждому своим путем?

Негромкий голос от дверей произнес:

— Если вы думаете, сэръ, что такое можно проделать, нам следует еще много поработать, чтобы Контракт стал воистину неуязвимым. Могут ли я представиться? Вы можете называть меня мистер Смит.

В 1800 он сказал:

— В течение двенадцати лет можете поддерживать авантюриста Наполеона. В 1812 оставьте его. Вкладывайте средства в развитие молодой нации — в Соединенные Штаты. Немедленно посылайте представителей в Нью-Йорк. Это будет столетие революций и перемен. Не оказывайте никакой поддержки монархиям...

За столом пронесся вздох изумления.

—...поддерживайте представителей торговых классов. В Индии финансируйте некоего Роберта Клива. Изымите все капиталы из Испании и Латинской Америки. Во время гражданской войны в Северной Америке примите сторону Севера.

В основном, джентльмены, это столетие будет столетием Англии. Помните об этом. — На секунду он замолчал, взглянув в неведомые дали. — Следующий век будет отличаться от этого, но даже я не знаю, что будет происходить во второй его половине и далее.

После того, как он удалился, Амшел Мейер, представитель Вены, пробормотал:

— Коллеги, не кажется ли вам, что по крайней мере одна из реликвий Контракта имеет смысл?

Лорд Уиндермер нахмурился, не особенно пытаясь скрыть свой антисемитизм.

— Что вы хотите этим сказать, сэр?

Международный банкир открыл тяжелый ящик, содержащий документы, касающиеся Контракта, начиная со времени Гольдини. Он извлек из ящика средней величины золотую монету.

— Одна из первоначально вложенных монет сохранилась и дошла до нас через все столетья, милорд.

Уиндермер взял монету и прочел: «Соединенные Штаты Америки».

— Но, согласитесь, это же нелепо. Кто-то просто пошутил. Эта монета не могла существовать во времена Гольдини: колонии провозгласили свою независимость менее 25 лет тому назад.

Амшер Мейир пробормотал:

— А число под гербом? Интересно, кто-нибудь рассматривал его как дату выпуска?

Уиндермер снова пристально посмотрел на монету.

— Как дату? Не будьте ослом! Кто же выпускает монеты более чем на сто лет вперед!

Мейир задумчиво огладил рукой свое безбородое лицо.

— Более чем на шесть столетий вперед!

За сигаретами и бренди они снова начали обсуждать вопрос в деталях. Юный Уоррен Пидмонт сказал:

— Вы, джентельмены, имеее передо мной преимущество. Еще два года назад я знал о Контракте весьма смутно, несмотря на мое высокое положение в американской ветви иерархии. И, к несчастью,

я не присутствовал, как вы при появлении мистера Смита в 1900 году.

— Вы ничего особого не пропустили, — проворчал фон Борман. — Наш мистер Смит, который всех нас столь крепко привязал к Контракту, что все, чем мы владеем, включая и эту вот сигарету, является на самом деле его собственностью, — так вот, наш мистер Смит представляет собой личность совершенно незначительную — абсолютная посредственность.

— Так, значит, такой человек действительно существует, — сказал Пидмонт.

Альберт Марат, представитель Франции, выразительно фыркнул:

— Что поражает, мсье, так это то, что его описание, включая одежду, остается неизменным со времени Гольдини.

Он хихикнул.

— Но на этот раз у нас есть одно преимущество. Пидмонт нахмурился.

— Преимущество?

— Тайком от мистера Смита мы его сфотографировали, когда он появился в 1900. Будет интересно сравнить изображение с оригиналом при следующем появлении.

Уоррен Пидмонт продолжал хмуриться, выказывая непонимание.

Хидека Митсуки разъяснил:

— Вы разве не читали романы прославленного мистера Г. Уэллса?

— Никогда не слышал о таком.

Смит-Уинстон, представитель Британской ветви, сказал:

— Вкратце, Пидмонт, мы обсуждали возможность

того, что наш мистер Смит является Путешественником во Времени.

— Путешественник во Времени! Ради Бога, что вы хотите этим сказать?

— Сейчас 1910 год. За прошедшее столетие наука ушла так далеко вперед, что это не смог бы вообразить даже самый выдающийся ученый, живший в 1810 году. О том, чего она достигнет за последующие пятьдесят лет, мы можем только догадываться. Согласен, то, что они смогут открыть возможность путешествия во времени, выглядит головокружительным, но не невозможным.

— Почему пятьдесят лет? Еще целое столетие до тех пор, пока...

— Нет, на этот раз мистер Смит информировал нас, что он не будет дожидаться 2000 года для своего визита. Он назначил 16 июля 1960 года. И мне кажется, что на этот раз мы узнаем, что мистер Смит намерен делать с самым огромным капиталом, который когда-либо существовал в этом мире.

Фон Борман огляделся и проворчал:

— Не приходило ли вам в голову, что мы — восемь человек — единственные люди во всем мире, кто знает о существовании Контракта?

Он коснулся своей груди.

— В Германии даже кайзер не знает, что я прямо владею — от имени Контракта, разумеется, — чуть ли не двумя третями всего богатства Райха. А если и не прямо владею, то контролирую.

Марат сказал:

— А вам приходило в голову, что достаточно нашему мсье Смицу потребовать свои денежки — и мы останемся без единого су в кармане.

Смит-Уинстон издал горький смешок.

— Если вы намереваетесь что-нибудь предпринять против этого, то лучше оставьте свои намерения. Почти полсотни лет лучшие умы человечества занимались юридическим укреплением Контракта. Чтобы противостоять попыткам нарушить его, начинались войны. Разумеется не в открытую. Те, кто в них погибал, умирали за религию, за национальную судьбу, честь нации... Но ни одна из попыток не удалась. Контракт выстоял.

Пидмонт сказал:

— Возвращаясь к этому его появлению в 1960. Почему вы думаете, что он раскроет свои намерения, если, конечно, справедливо это ваше фантастическое допущение, что он путешествует во времени?

— Тут все сходится, старина, — ответил ему Смит-Уинстон. — Со времени Гольдини он объявляется в одежде, не слишком отличающейся от нашей. Он разговаривает по-английски с американским акцентом. Монеты, которые он вручил Гольдини, американские, с двойным орлом, отчеканенные в нашем веке. Примите все это к сведению. Наш мистер Смит пожелал сколотить огромный капитал. Он это сделал, и я верю, что в 1960 мы узнаем, на что же он хочет его употребить.

Он вздохнул и затянулся сигаретой.

— Боюсь, я этого не увижу. Пятьдесят лет — долгий срок.

Они оставили эту тему и перешли к другой, не менее для них интересной. Фон Борман проворчал:

— Я утверждаю, что если мы хотим, чтобы Контракт развивался и дальше, то Германии нужно больше места под солнцем. Я намерен построить железную дорогу Берлин-Багдад и немного подоить Восток со всеми его сокровищами.

Марат и Смит-Уинстон восприняли его слова без энтузиазма.

— Я заверяю вас, мсье, — сказал Марат, — что мы со своей стороны сделаем все, чтобы не дать вам осуществить эти планы. Для Контракта лучше всего поддерживать статус-кво; германская экспансия им не предусмотрена. Если вы будете настаивать на своем, то это будет означать войну. Но припомните пророчества мистера Смита. В случае войны мы должны отказаться от поддержки Германии и, по некоторым причинам, России и финансировать союзников. Мы предупредили вас, Борман.

— На этот раз мистер Смит ошибся, — пробурчал Борман, — как он говорил, в первую очередь следует вкладывать капиталы в нефть. А как Германия может получать нефть без доступа к Востоку? Мои планы должны осуществиться, и это будет соответствовать духу Контракта.

Молчавший до сих пор Хидека Митсуки пробормотал:

— Интересно, сознавал ли мистер Смит, когда вкладывал свои монеты, что настанет день, когда различные ветви Контракта будут планировать и создавать интернациональные конфликты во имя самого Контракта?

Их было шестеро, сидящих вокруг стола, в комнате Эмпайр Стейт билдинга, к моменту его появления. Никто из них не был при его последнем визите, и один только Уоррен Пидмонт встречался и беседовал с теми, кто в действительности видел мистера Смита. Теперь восьмидесятилетний Пидмонт держал в руках выцветшую фотографию и сравнивал изображение с оригиналом.

— Да, — пробормотал он, — они были правы. Мистер Смит протянул им тяжелый сверток с документами.

— Не желаете ли проверить эти бумаги?

Пидмонт оглянулся на своих компаньонов. Рядом с ним сидели: Джон Смит-Уинстон второй из Англии, Рами Марду из Индии, Вернер Фосс-Рихтер из ФРГ, Мито Фисуки из Японии, Хуан Сантос, представляющий Испанию, Францию и Италию.

Пидмонт сказал:

— У нас есть фотография, сделанная в 1900 году, сэр. Я думаю, дальнейшие проверки излишни. Я могу, однако, добавить, что последние десять лет мы неоднократно обращались к разным знаменитым ученым с вопросом, возможны ли путешествия во времени.

Мистер Смит сказал:

— Ясно. Иными словами, вы транжирили мои денежки, исследуя меня самого.

В голосе Пидмонта не чувствовалось раскаянья.

— Мы преданно защищали Контракт, и многие потратили на это всю свою сознательную жизнь. Я не отрицаю, что мы получаем самую высокую заработную плату в мире; тем не менее, для нас это всего лишь **работа**. Часть этой работы заключается в защите Контракта и ваших интересов от тех, кто пытается жульническим образом завладеть капиталом. Каждый год мы тратим миллионы на исследования.

— Конечно-конечно, вы правы. И что же вы выяснили насчет возможности путешествия во времени?

— Ответ неизбежно был одним и тем же — это невозможно. Только один физик ответил, что он усматривает некую слабую возможность этого.

— А-а, и кто же это такой?

— Профессор Алан Шири, работающий в одном из калифорнийских университетов. Мы, естественно, проявили максимальную осторожность и не вели дело прямо, в лоб. Сначала он ответил, что никогда не задумывался над этой проблемой, но был явно ею заинтересован. Под конец, однако, он выразил мнение, что если это и возможно, то единственно реальное решение потребует таких затрат энергии, какие и вообразить трудно.

— Понятно, — сказал мистер Смит сухо. — И что же, после того, как вы получили у него консультацию, он прекратил размышлять над проблемой путешес-
вий во времени?

Пидмонт сделал неопределенный жест.

— Откуда нам знать?

Тут вмешался Джон Смит-Уинстон.

— Сэр, мы подвели итог и подсчитали всю сумму вашего капитала. Сказать, что она огромна, значит ничего не сказать, но в английском языке нет другого подходящего слова. Мы бы хотели получить инструкции, как нам вести дело дальше.

Мистер Смит посмотрел на него.

— Я хочу, чтобы вы немедленно начали ликвида-
цию дела.

— Ликвидацию! — шесть голосов слились в один.

— Мне нужны наличные, джентельмены, — пояс-
нил Смит твердым голосом. Я хочу, чтобы вся моя
собственность с максимально возможной скоростью
была обращена в наличные.

Вернер Фосс-Рихтер сказал резко:

— Мистер Смит, во всем мире не найдется столько
денег, чтобы выкупить вашу собственность.

— Этого и не нужно. Я буду тратить их так быстро,
как вы сможете превращать мое состояние в золото

или его эквивалент. Деньги будут возвращаться в обращение снова и снова.

Пидмонт был ошеломлен.

— Но зачем? — он в отчаяньи заломил руки. — Неужели вы не понимаете последствий этого шага? Мистер Смит, вы обязаны разъяснить нам цель и смысл вашего решения...

Мистер Смит ответил:

— Цель очевидна. И псевдоним «мистер Смит» тоже больше не нужен. Вы можете называть меня Шири — профессор Алан Шири. Видите ли, джентельмены, вопрос, который вы мне задали относительно путешествий во времени, оказался чрезвычайно интересным. И в конце концов я смог, как полагаю, решить эту проблему. Единственное, чего мне недоставало, это огромных количеств энергии, чтобы предпринять экспериментальную проверку своей теории. Если бы мне дали такое количество энергии — это чуть больше того, что сейчас производит вся энергетика Земного шара, — то я смог бы совершить путешествие во времени.

— Но ... но зачем? Все это, все это ... Тресты, картели, правительства, перевороты, войны ... — голос Уоррена Пидмонта прерывался от избытка чувств.

Мистер Смит — он же профессор Алан Шири — как-то странно посмотрел на него.

— Затем, чтобы я мог съездить в древнюю Венецию, чтобы там предпринять некоторые предварительные шаги к тому, чтобы накопить достаточную сумму, чтобы на эти деньги добыть необходимое количество энергии, с помощью которой я смог бы съездить в древнюю Венецию...

— А шесть столетий истории человечества? — сказал Рами Марду, представитель Азни, так тихо,

что его было едва слышно. — Неужели все это только для того, чтобы...

Профессор Шири бросил на него нетерпеливый взгляд.

— Не будете же вы, сэр, утверждать, что во все остальные столетия история человечества была более осмысленной?

КОЛОДЕЦ

Наш дом с краю, и первый удар арктуриан нас совсем не задел. Да, конечно, доносились издали отголоски выстрелов и взрывов, с крыш видны были клубы дыма над Центром, но штурм Цитадели мы смотрели в основном по ТВ. И правильно. Работа операторов оказалась первоклассной: арктурианские машины — как в лучших фильмах и комиксах НФ, батальные сцены поставлены смело и с размахом. Ребята дрались отлично и выложились полностью. Арктуриане, в свою очередь, лупили их почем зря, но без излишней жестокости, это хорошо было видно на крупных планах. И хотя с самого начала было ясно, что у наших там, в Цитадели, нет ни единого шанса, напряжение держалось до конца. Да что тут говорить — это было чудное зрелище.

Только через пару дней выяснилось, что нам показывали галактическую телепередачу. Оказывается, мы видели арктурианскую хронику — то, что арктуриане транслировали в Космос (они еще в самом начале захватили наши телестанции и ретрансляторы). Так или иначе, их операторы работали мастерски, баталистика хватала за душу, поэтому все жильцы, а с ними и я, конечно, орали в напряженных моментах во всю глотку, точно как на футболе, когда мяч в воротах, а вратарь валяется в углу.

Когда победившие арктуриане выводили остатки защитников из разбитой вдребезги Цитадели, над домом, конечно же прокатились возгласы сочувствия и разочарования, но немало было и аплодисментов.

Дух «fair play» царил до конца. Чего уж там.

Противник был силен и знал свое дело. Арктуриане показали высший класс.

Вопреки предсказаниям пессимистов, они вовсе не сразу за нас взялись. Пока стояло лето, затем мягкая осень, все шло как обычно: люди поднимались по звонку будильников, ехали на работу, затем возвращались и застывали у телевизоров. Наш покой только время от времени нарушали телефонные звонки анонимных агентов старого, доарктурианского, режима. Эти агенты сдавленным шепотом сообщали, что теперь арктуриане присваивают производимую всеми нами прибавочную стоимость. Новость относительная, в конце концов, стоимость затем и прибавочная, чтобы ее присваивать. Не арктуриане, так кто-нибудь другой это делал бы. Поэтому жильцы клали трубки и возвращались к телеэкранам, на которых очень сексапильно подмалеванные арктурианские плутовки резвились под зазорную музыку в чем мать родила.

Неприятности начались только с первыми заморозками. Арктурианам стало мало прибавочной стоимости, и они решили присваивать нашу горячую воду. Отопление прекратилось прежде, чем, собственно, началось, в наши жилища прокрался холод, а с ним сырость и плесень. К этому добавились многодневные перебои с газом и электричеством. На ребрах батарей центрального отопления появился иней, а плутовки исчезли с онемевших экранов. Стало по-настоящему холодно. Агенты старого сипели в трубки, что если и дальше так пойдет, то в наших квартирах воцарится климат воистину арктурианский. Было очень трудно понять, что они советуют, потому что, во-первых, они страдали от насморка, а во-вторых, опасаясь пеленгации, отключались уже через несколько секунд.

Что было делать — в огонь полетели газеты и бульварная литература. Затем кусты и деревья с ближайшей околицы. Потом старое тряпье, обувь, ящики с балконов и пластмассовая посуда. Наконец, отборная классика и стильная мебель. Поначалу мы эгоистично топили всем этим свои квартиры, каждый сам по себе, но холодные стены поглощали тепло без остатка. Тогда во дворе разожгли большой костер — один центральный, у которого можно было обогреться, сварить еду и поучаствовать в художественной самодеятельности.

Центральный костер, любительские спектакли, декламация, чтение вслух и многое другое, освоенное нами позднее, — все это придумал некто Скриб — жилец из 84-й квартиры I-го корпуса. Скриб был писателем — не слишком известным в доарктурианские времена, он сам это признавал. Я знал его по регулярным скандалам у нас в домоуправлении. Великодушно не называя имен, он с юмором рассказывал на посиделках у костра и об этих скандалах и о своей безвестности. Никто, собственно, и не знал его до нашествия арктуриан, но уже через неделю после отключения отопления все с ним раскланивались. Он сам называл это «чудесным обретением призвания». Это Скриб предложил выбрать из книг, припасенных нами для костра, такие, которые ни в коем случае, даже в самой критической ситуации, бросать в огонь нельзя. Получившуюся в результате библиотеку в сто томов он назвал Домовой Библиотекой Шедевров. В нее вошли также все тоненькие низкотиражные книжонки Скриба, нам как-то неудобно показалось исключать хотя бы одну из них.

Через две недели после отключения горячей воды мы присутствовали на премьере Домового Театра.

Сценарий спектакля Скриб лихо состряпал из отрывков пьес Шекспира, прозы Камю, поэм Мильтона и обширных фрагментов своих рассказов. Ноябрьским вечером, когда холод и ветер стали особенно докучать, этот спектакль согрел наши сердца. В нем блеснула талантом жена Скриба, чувственная блондинка с бездонными глазами. Живое слово, раскрасневшиеся лица у костров из сгорающих мертвых слов, слезы на щеках, взлохмаченные ветром волосы, ищущие друг друга озябшие ладони — взволнованный Скриб расшифровал сложную символику этой сцены в прекрасном монологе, который я не смог повторить. А вот недвусмысленный намек, который он позволил себе в конце, я был вынужден повторить и повторить дословно: «С тоской в сердце я возвращаюсь мыслями в недавние времена, — сказал он дрожащим голосом, — ведь все мы надеемся...» Арктурианин, которому я доложил об этом, даже ругаться не стал. «Ладно», — пробренчал он интерпланетным транслятором и тут же бросил трубку.

Где-то через неделю после премьеры, в тот самый день, на вечер которого было назначено второе представление, они лично посетили меня. Их было двое. «Кто он такой, этот Скриб? — спросил первый, маленький, поблескивая транслятором из-под черной занавески на средней своей части. — Почему он так суетится?» «Писатель, — ответил я, — второразрядный писателишка и авантюрист, но холодно, и люди за любым пойдут». «Та-а-к, а если... — сказал тот, что повыше, золотистый, и вскочил на кресло, подхватив красную занавеску, — а если снова станет тепло?» «Тогда за ним не пойдут», — ответил я на это. «Хорошо, подумаем, но даром мы ничего не

даем», — сказал золотистый, прыгнул с кресла и направился к выходу. «И в кредит тоже», — добавил второй.

Я вызвал дворничих. Не больно-то им хотелось, но когда я дал слово, что скоро будет газ, горячая вода и электричество, они как шальные, рванули по квартирам. Уже через час у меня появились первые клиенты. Литературный критик из 17-го корпуса, 72-я квартира на 1-м этаже, заявил, что применяемый Скрибом метод отбора произведений в Библиотеку Шедеров — это глумление над логикой и гуманистическими ценностями. «Он просто преступник», — повторил несколько раз возмущенный до глубины души критик. «Он унижает литературу, заставляя ее служить жалкой агитации», — доверительно сказал мне следующий по очереди — муж актрисы, услугами которой Скриб не воспользовался в первом спектакле и которой предложил до смешного маленькую роль во втором. Старушка, проживающая этажом ниже Скрибов, пожаловалась, что писатель нарушает покой и оскорбляет ее моральные устои, совокупляясь многократно в течение суток со своей крикливой, как мартовская кошка, женой. Молодому человеку, проживающему над Скрибами, женские стоны не мешали, но невыносимым казался мерный, мучительный, упорный, назойливый, многочасовой стук пишущей машинки. «Неудовлетворенные амбиции, любительщина, графомания... беззастенчиво использовал ситуацию», — сетовал сосед Скриба, его коллега по перу.

Все это очень изменило мое отношение к писателю Скрибу. «Vox populi, vox Dei» «Глас народа — глас божий», — я в этом глубочайше убежден, что и высказал бескомпромиссно Скрибу. Он ворвался

ко мне с претензиями за час до начала своего жалкого опуса номер два. Разумеется, я отменил спектакль. При открытых дверях, не пустив его дальше прихожей, я смело позволил ему отвести свою сварливую и двуличную душу. Он пытался хамски орать, но ни один из выскочивших на лестничную клетку жильцов его не поддержал. Я бы сказал, что даже наоборот.

«Уже лучше, но все еще не то, — в тот же вечер по телефону подвел итог арктурианин, к которому я немного нахально пристал с водой, электричеством и газом. — Вы знаете, мы не мстительны, но он, насколько я знаю, вам всем действовал на нервы. Вы не должны такое прощать. Для примера».

Посоветовавшись с дворничихами и спешно созданным домкомом, я уже наутро изложил арктурианам наши предложения. Они приняли их без возражений и даже обещали техническую помощь. В начале второго над домом повисли, живописно поблескивая на солнце, их несравненные антигравитационные аппараты с телеоператорами на борту. С самого большого из них спустили на канатах старомодное устройство, которое, вопреки моим ожиданиям, вовсе не казалось грозным или мрачным. Лезвие саркастически поблескивало на солнце, а потом, когда канаты опустились ниже и гильотина вошла в тень между жилыми корпусами, на нее нацелились разноцветные рефлекторы, подвешенные под днищами гравилетов.

На экранах все это смотрелось еще лучше и красочнее, чем в действительности. К тому же в студии изображение снабдили хорошей бравурной музыкой. Люди стояли на балконах, кося одним глазом на телевизор, а вторым вглубь дворового колодца. Передача транслировалась на всю Галактику, и в самом деле становилось жарко при мысли о том,

какое неисчислимое количество людей и самых разнообразных существ нас увидит и как они все будут нам завидовать.

Скриб не был бы Скрибом, если бы и в этот последний момент не попытался испортить всем настроение. Две полоски пластыря крест-накрест на его лживых губах решили проблему. Лезвие упало, окрашиваясь в ржавый цвет заходящего солнца, голова полетела в корзинку, а над двором прокатился гул восхищения. И еще долго потом, глубокой уже ночью, жильцы обсуждали радостное событие, а в батареях и ваннах сладостно шумела горячая вода.

Утром, едва рассвело, в дверь моего кабинета постучался прыщеватый подросток с припухшими глазами. «Гражданин управдом, — заскулил этот маленький интриган, — я из 17-тки, 2-й этаж, 93-я квартиры, подо мной всю ночь какой-то тип стучал на машинке. Мне это так мешает!»

Такое неуместное усердие меня удивило и вызвало отвращение. «Дурак! — сказал я сурово, — откуда ты можешь знать, мешает тебе этот тип или нет, пока мы не прочитаем, что он там пишет».

СОДЕРЖАНИЕ

Рейнольдс М. Проценты с капитала. Пер. с англ. Е. А. Дрозда	3
Паровски М. Колодец. Пер. с польск. В. И. Анисеева	25

Литературно-художественное издание

Мак Рейнольдс

ПРОЦЕНТЫ С КАПИТАЛА

Мацей Паровски

КОЛОДЕЦ

Фантастические рассказы

(Фантакрим.-микро. Фантастика, приключения, детектив)

Составление выпусков «Фантакрим-микро» —
М. И. Андрюшкин

Редактор выпуска И. А. Боровская

Оформление и художественное редактирование —
С. В. Баленок

Координатор выпуска Д. В. Крымов

Сдано в набор 04.09.89. Подписано в печать 02.10.89. Л 10 766.
Формат 84×108¹/₆₄. Бумага офсетная. Гарнитура литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 0,84. Уч.-изд. л. 1,2. Тираж 105 000 экз
Заказ 1548. Цена 30 коп.

Издательство «Прометей» МГПИ имени В. И. Ленина, 119048,
Москва, Усачева, 64.

Отпечатано в типографии «Победа», 222310, Молодечно, ул. Тав-
лая, 11.